

больше возможности отводиться и больше боевой смелости» [4, л. 4 об. – 5 об.].

В следственном деле имеются и показания бывшего белогвардейца, некоего Климова, о том, что в своей мастерской Милютинский печатал листовки и воззвания Л.Д. Троцкого [4, л. 26]. При обыске в доме Милютинского был обнаружен фотопортрет опального вождя.

К чести тогдашних органов правосудия, неосторожные высказывания Милютинского не были расценены как представляющие опасность для советской власти. Особое совещание при Коллегии ОГПУ 23 апреля 1930 г. постановило Милютинскому «зачесть в наказание срок заключения и из под стражи освободить» [4, л. 39].

После освобождения Василий Милютинский переехал в Казань и стал работать в конторе «Татфото». В 1940 г. он был вновь арестован за «зловещую клевету на руководство партии и правительства и за восхваление Троцкого» и осужден на 8 лет лагерей. В 1941 г., уже находясь в лагере, арестован повторно, и 2 января 1942 г. Василий Владимирович Милютинский был расстрелян в Казани [5].

Источники и литература

1. Берман А.Г. Алатырская ересь: из истории скопчества в Среднем Поволжье // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии (Studia Ethnologica; вып. 3). СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006. С. 86–101.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР), Ф. 243. Оп. 1. Д. 2.
3. ГИА ЧР. Ф. 244. Оп. 2. Д. 3.
4. ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 3. Д. 525.
5. Список репрессированных в Татарии писателей, журналистов, художников из базы данных Михаила Валерьевича Черепанова [Электронный ресурс] // Art16.ru – Культура и искусство в Татарстане. – URL: <http://art16.ru/content/sharif-kamal-iriepriessirovannyye-tatarskie-pisateli> (дата обращения 15.05.2014).

Богдашина Е.Н.

(д. и. н., профессор, Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, Украина, г. Харьков)

ХАРЬКОВСКИЕ ИСТОРИКИ НА ПЕРЕПУТЬЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ 1920-х – 1930-х гг.

Показаны проблемы адаптации харьковских историков к новым общественно-политическим реалиям 1920-х – 1930-х гг. Рассматривается влияние общественно-политических и социокультурных факторов на формирование и реализацию жизненных планов научной интеллигенции 1920-х – 1930-х гг. Выделено два варианта жиз-

ненных стратегий историков Харькова: 1) вынужденная поддержка историками (преимущественно старшего поколения) большевистской власти; 2) активная борьба молодых историков-коммунистов с «буржуазным национализмом» и «оппортунизмом» в советской исторической науке. Ни одна из жизненных стратегий не гарантировала спасение от репрессий.

Ключевые слова: жизненные стратегии, репрессии.

KHARKIV HISTORIANS AT THE CROSSROADS: ADAPTING TO THE NEW SOCIO-POLITICAL CONDITIONS of 1920-s–1930-s

In this article are shown the problems of adaptation of Kharkiv historians to the new socio-political realities of the 1920-s – 1930-s. Influence of socio-political and socio-cultural factors on the formation and realization of vital plans of scientist intelligence 1920-s – 1930-s is examined in the article. Pick out two variants of vital strategies of historians of Kharkiv: 1) Support forced historians (mainly the older generation) Bolshevik power; 2) active struggle of young historians Communists with «bourgeois nationalism» and «opportunism» in Soviet historical science. None of the life strategies are not guaranteed salvation from repression.

Key words: vital strategies, repressions.

В 1930-х гг. сталинский тоталитарный режим под лозунгом «борьбы с буржуазным национализмом» упразднил часть научных учреждений исторического профиля и репрессировал ряд ученых. В этих сложных условиях историки выбирали разные модели поведения.

Первые исследования, в которых анализируется поведение историков советской Украины 1920–1930-х гг., принадлежат историкам украинской диаспоры, выжившим в период сталинских репрессий 1930-х гг. Тексты исследований сотрудников Харьковской научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры, киевлян А.П. Оглоблина [15–17] и Н.Д. Полонской-Василенко [19–20] содержат целые страницы воспоминаний об этом времени.

Тема адаптации советских историков к новым общественно-политическим реалиям 1920-х – 1930-х гг. вновь стала изучаться в последние годы. В отдельных разделах книг и ряде статей И.Б. Матяш [14 и др.], О.Л. Рябченко [24 и др.] и других исследователей освещаются работа отдельных учреждений или судьбы отдельных ученых, пострадавших во время сталинских репрессий. Ликвидации института истории украинской культуры имени академика Д. И. Багалая посвящен отдельный раздел нашей монографии [4]. Однако ряд вопросов, связанных с жизненными стратегиями советских историков обозначенного периода, освещены недостаточно. Среди них и проблема выбора линии поведения историков советской Украины, живших в тоталитарном обществе.

Целью данной статьи является анализ условий формирования, эволюции и реализации жизненных планов историков Харькова 1920–1930-х гг., выяснение мотивов и других факторов, повлиявших на выбор учеными одного из трех вариантов сценария жизни.

В 1920–1930-х годах в СССР резко изменилась социальная структура общества, сформировались новые государственно-политические институты. В стране произошло полное огосударствление не только социально-экономических институтов, политической сферы, но также научных, культурных, межличностных, брачно-семейных, бытовых и других отношений. Власть в конце 1920-х гг. установила жесткий контроль над наукой, литературой и искусством; насаждала в обществе новую мораль.

Большевикам в 1930-х гг. удалось сформировать особое, присущее тоталитарным обществам, массовое сознание; создать атмосферу всеобщей подозрительности и доносительства. В общественном сознании распространялись представления об угрозах для страны от многочисленных внешних и внутренних врагов. Одним из внутренних, «хорошо замаскированных» врагов для части населения была дореволюционная интеллигенция дворянско-буржуазного происхождения. В частности, в советском обществе 1920–1930-х гг. было распространено нигилистическое, временами оскорбительное отношение к университетской профессуре как к «враждебному элементу», лишенному моральных качеств [21, с. 155 и след.].

Одной из главных ценностей для ученого была и остается свобода творчества. Оппозиционность (часто конструктивная) к любому политическому режиму присуща большинству научной интеллигенции, являющейся наиболее образованной и гуманистически настроенной частью общества. Такая автономность академической и университетской корпорации должна быть, по мнению советского руководства, ликвидирована. Стабильное в дореволюционное время жизненное пространство научной интеллигенции стало неопределенным, поскольку для нее новые политические лозунги, правовые и этические нормы, стандарты поведения были неприемлемыми. Социокультурные трансформации 1920-х – 1930-х гг. существенно повлияли на формирование, эволюцию и реализацию жизненных планов научной интеллигенции. В условиях сталинского тоталитаризма важным для каждого человека стал выбор наиболее целесообразного в данных конкретных условиях способа выживания.

Уже в 1920-х гг., до установления тоталитарного политического режима, советская власть вмешивалась в работу историков. А.П. Оглоблин называл такие формы административного вмешательства: «...мелочная опека и суровый партийный контроль, грубое вмеша-

тельство официальных коммунистических историков, цензурные запреты, преследования отдельных украинских ученых, скудные средства и т.д.» [15, с. 86]. С 1929 г. в аспирантуру мог поступить только член большевистской партии или комсомолец [4, с. 92]. С середины 1920-х годов постепенно ограничивается количество и достоверность не только общественно-политической, но и чисто научной информации. Так, не проводились научные конференции без выступлений на актуальные политические темы. С 1924 г. по всей стране ограничивался доступ исследователей, не являющихся членами партии, к архивным материалам, особенно по истории большевистской партии [13, с. 38].

Большинство людей пыталось ограничить общение. Типичная для интеллигенции дореволюционного времени привычка вести дневниковые записи и подробно описывать в письмах события неоднократно использовались чекистами в качестве доказательств контрреволюционной деятельности. По просьбе О.Д. Багалей Н.Д. Полонская-Василенко уничтожила часть ее писем к ней [12]. Переписка из-за угрозы перлюстрации перестала быть важным каналом обмена научной информации. Кроме того, было ограничено общение с зарубежными коллегами, в том числе с учеными Восточной Галиции; а с 1929 г. – получение книг из-за границы. Одним из «свидетельств» «контрреволюционной» деятельности профессора ХИНО В.А. Барвинского стали письма родственников из Львова [24].

В Советском Союзе руководством страны главной теорией исторического процесса был провозглашен несколько отличный от идей К. Маркса и Ф. Энгельса вариант марксизма. С конца 1920-х годов изучение немарксистских теорий имело целью доказать ошибочность подходов их последователей в объяснении различных общественных проблем и истинную научность только теории исторического материализма. Не разрешалось (по крайней мере, публично) признавать отличные от марксистского подхода интерпретации прошлого.

Выборочное использование источников и заидеологизированный анализ отдельных исторических фактов согласно марксистско-ленинской исторической схеме, отказ от позитивизма и других теорий обедняли исторические труды советского времени. В оценке истории и научного наследия дореволюционных мыслителей ученые СССР руководствовались высказываниями основателей «единственно правильной и верной теории» (т.н. марксизма-ленинизма), а также указаниями Генерального секретаря ЦК РКП (б) И.В. Сталина и других партийных вождей.

Ученые в таких сложных условиях выбирали один из трех вариантов поведения. Первой линии поведения придерживались акаде-

мики С.А. Ефремов и отчасти М.С. Грушевский: никакой реальной поддержки существующему большевистскому режиму [см., например, 20, с. 48].

Среди харьковчан-гуманитариев не нашлось ученых, которые публично бы посмели демонстрировать свою нелояльность к новой власти. Д.И. Багалей, например, активно поддерживал все мероприятия новой власти. В отличие от С.А. Ефремова и М.С. Грушевского, запуганный и осторожный Дмитрий Иванович шел на любые уступки советской власти. Как сотрудник Особой временной архивной комиссии при Всеукраинском революционном комитете, он участвовал в утилизации многих тонн архивных документов на макулатуру (февраль 1920 – 1923 гг.) [25, ф. 14, оп. 1, д. 12, л. 1 и др.]¹. В начале 1920-х годов Д.И. Багалей принимал участие в специальной комиссии при Наркомате просвещения УССР, которая разрабатывала документацию реформы высшей школы [18, ф. 37, д. 95]. В частности, он поддержал идею ликвидации университетской системы в УССР, чем ухудшил отношения с В.И. Вернадским [10, ф. 1, ед. хр. 22772].

Еще больше обвинений было в адрес академика Д.И. Багалая в конце 1920-х годов. Дмитрий Иванович активно поддержал избрание академиками Всеукраинской Академии наук партийных и советских деятелей Н.А. Скрыпника, В.П. Затонского, А.Г. Шлихтера, не имевших непосредственного отношения к науке. Он публично – на многих собраниях и в прессе – осудил (прекрасно понимая, видимо, всю фальшивость доказательств следствия) «контрреволюционную» деятельность членов «Союза освобождения Украины», в том числе личных друзей (С.А. Ефремов) и сотрудников своей кафедры (М.Е. и Т.М. Слабченко, В.А. Щепотьев) [4, с. 93].

Такая «мазепинская» тактика позволяет Д. И. Багалею возглавить ряд научных учреждений. Узко понятые собственные и групповые интересы, желание получить от власти больше льгот, радость от победы научного конкурента – неизвестно, какой из мотивов был для Д.И. Багалая основным. В любом случае интересы Д.И. Багалая и руководства республики, которое удачно использовало противоречия между отдельными группами историков, временно совпали. В отличие от работников возглавляемых М.С. Грушевским учреждений, подавляющее большинство сотрудников Харьковской научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры (в ос-

¹ Сам академик никогда не снимал с себя вины за гибель архивных материалов, подчеркивая в автобиографии невозможность в тех конкретных условиях сохранить полностью архивные фонды [2, с. 138].

новном в 1927–1929 годах) провозгласило себя марксистами [4, с. 26–27, 91–95, 106–107 и др.].

Часть историков объявляла себя марксистами не по соображениям политической конъюнктуры. Активное использование в исследованиях новой терминологии, по оценке А.П. Оглоблина, было «данью времени», «глубоким убеждением» ряда ученых в необходимости создания «марксистской школы в украинской историографии» [6, с. 25]. Таких убеждений придерживались все историки партии и часть специалистов по отечественной и всемирной истории (преимущественно молодежь).

Под давлением внешних обстоятельств Д.И. Багалей в 1929 г. публично отказался «от своей старой буржуазной исторической идеологии» и признал марксизм-ленинизм единственной научной методологией [3, с. 169]. Более того – Д.И. Багалей согласился на проведение в Харьковском научно-исследовательском институте истории украинской культуры кампании критики и самокритики сотрудников института [подробнее: 4, с. 91–96].

Д.И. Багалей не всегда выдерживал такое моральное напряжение. В декабре 1931 г. на заседании института истории украинской культуры был заслушан доклад А.И. Козаченко. В нем критиковалось творчество В.Б. Антоновича и одновременно признавалось: «Марковская историография может использовать огромный документальный материал, который был собран Антоновичем, очистив его от буржуазно-националистической концепции и дав ему классовый анализ» [10, ф. 1, ед. хр. 45278, л. 84 об.]. После доклада, по свидетельству К.И. Кушнирчука, «Багалей...просто вскочил чуть ли не с кулаками. А характеристика была мягкая¹» [25, ф. 3561, д. 331, л. 96–97].

Обсуждение научных докладов по любой тематике превращалось в политические представления. Посещение таких собраний было обязательным для всех сотрудников данного учреждения. Кроме самобичевания виновника, предусматривались содоклад с критикой творчества «виновника» и выступления «желающих», в т.ч. учеников [25, с. 30–33]. После публичного морального унижения виновники становились, как правило, безработными. Политические обвинения угрожали не только увольнением с работы, но и в дальнейшем арестом по статье 54 Уголовного кодекса УССР. Это прекрасно понимали и сами историки, которые становились объектом различных обвинений. По нашему мнению, поведение Д.И. Багаля, осо-

¹ Изложенные А. И. Козаченко [10, ф. 1, ед. хр. 45278, л. 84–85] оценки взглядов и научного наследия дореволюционных историков отмечались идеологической ангажированностью и необъективностью, однако действительно не содержали типичных для того времени грубых выражений.

бенно в последние три года его жизни, можно объяснить страхом за себя, семью, учеников.

Третью линию поведения представляли в основном молодые историки, которые фанатично боролись, не гнушаясь никакими средствами, против «старой», «буржуазно-националистической» историографии. Свое жизненное кредо один из самых активных коммунистов К.И. Кушнирчук выразил следующим образом: «Никакого уважения к предкам. Мы живем в другую эпоху, служим другим классам, принадлежим к другим людям» [25, ф. 3561, д. 331, л. 97]. В письме от 10 декабря 1930 г. он сообщал А.П. Оглоблину о настроениях в правительственных кругах: «Вопрос стоит о закрытии института истории украинской культуры. И действительно, нужен ли он? (про себя). За все время своего существования он не дал ни одного работника, а когда и подготовил, то только врагов ленинской науки, что же продолжать дальше эту систему? Можно было бы партизировать этот институт, но партийцев-историков единицы и дублировать секций института марксизма-ленинизма нет необходимости» [25, ф. 3561, д. 331, л. 48].

В ноябре 1930 г. историческая секция Украинского института марксизма-ленинизма направила письма в ВУЦИК и наркомат образования Украины с просьбой закрыть институт истории украинской культуры как центр «украинского буржуазного национализма» [25, ф. 3561, д. 331, л. 45]. В обмен на сохранение института Д.И. Багалей легко согласился на назначение заведующими отделами института коммунистов и зачисление в аспирантуру только членов большевистской партии. Хорошо зная мстительный и завистливый характер своего бывшего аспиранта Н.Е. Редина, Д.И. Багалей соглашается на назначение его заместителем директора. Именно Н.Е. Редин в январе 1931 г. возглавил дискуссию относительно десятого сборника НИК истории украинской культуры. Д.И. Багалей и другие авторы сборника полностью признали политические обвинения, содержащиеся в докладе Н.Е. Редина. Сам Д.И. Багалей в специальном письме в газету «Комуніст» полностью признал свои «ошибки» по редактированию сборника [11].

При публичной поддержке Д.И. Багаля Н.Е. Редин организовал ряд самокритичных выступлений сотрудников института. Н.Е. Редина в организации кампании по борьбе с «троцкистско-бухаринскими фальсификаторами» активно поддерживали К.И. Кушнирчук и другие историки-большевики. К ним присоединились такие авторитетные ученые института, как Н.Ю. Мирза-Авакьянц и Н.А. Максимейко [25, ф. 3561, д. 331, л. 96, 129 об., 147 об.].

Однако тот же К.И. Кушнирчук считал такие кампании низко-результативными. Он в письме к А.П. Оглоблину от 21 ноября 1931 г. отмечал, что никогда не доверял Д.И. Багалю, Н.В. Горбаню и другим ведущим сотрудникам: «Смешно было бы думать, что они порвали с буржуазной наукой» [25, ф. 3561, д. 331, л. 91]. К.И. Кушнирчук в письме к А.П. Оглоблину (март 1931 г.), подчеркивая псевдомарксизм Д.И. Багалю, писал о нем в таком тоне: «Ты недооцениваешь, что за «старческим лепетом» высовывает голову целая свора погани, и он их прикрывает (Горбань, Гнип, Водолаженкова и иже с ними)... Нельзя оторвать Багалю от этой своры – он же поддерживает их до зубов, а о Горбане и только о нем говорит как о своем научном преемнике... Для того, чтобы вытрезвить Багалю и победить эту свору слобожанского хуторянства, надо и самого деда посрамить, а потом посадить на почетное место в институт марксизма» [25, ф. 3561, д. 331, л. 55–55 об.].

По договоренности с руководством Наркомата образования УССР Д.И. Багалей должен был выступить с покаянной речью на совещании украинских историков в Харькове в феврале 1932 г. В докладе, текст которого после его смерти был напечатан дочерью О.Д. Багалей и А.И. Козаченко под названием «Самокритичные очерки» в журнале «Архів Радянської України» [1]¹, ученый признает свои прежние взгляды как вредные, антимарксистские и буржуазные, обещает решительно бороться с враждебными пролетариату историческими концепциями, снова осуждает историков, арестованных по делу «СВУ». Смерть спасла академика от этого позорного выступления².

Молодые «попы марксистского прихода» в борьбе с т.н. «багалеевской черносотенной сменовеховщиной» [25, ф. 3561, д. 331, л. 96] прибегают к неблагоприятным действиям, в частности к написанию закрытых писем (доносов) в отдел культуры и пропаганды ЦК КП (б) У и в Укрнауку [25, ф. 3561, д. 331, л. 36 об., 96–97]. Д.И. Багалей догадывался о доносах и вел себя очень осторожно с потенциальными авторами таких писем [25, ф. 3561, д. 331, л. 36 об., 96–97].

Именно историки-партийцы были активными участниками различных чисток (руководителями и членами бригад по обследованию отделов института), диспутов (председательствующими, со-

¹ Сделано было это, очевидно, не для умершего, а для живых сотрудников института, над которым нависла угроза закрытия.

² А.П. Оглоблин вспоминал: «Смерть всегда преждевременна, но в этих безумных условиях она была символически своевременная. Роль Багалю была окончена. Он сделал все, что мог, более того – то, что только он – с его характером и тактом мог сделать. В 1932 году было уже совершенно ясно, что никто, даже Багалей, не способен спасти украинскую историческую науку от большевистского погрома» [17, с. 104].

докладчиками) и т.д. В ходе проверок пытались найти в научных трудах сотрудников института истории украинской культуры «буржуазно-фашистские и национал-демократические и национал-оппортунистические уклоны» [25, ф. 3561, д. 331, л. 36].

После публикации письма тов. Сталина в журнале «Пролетарская революция» (1931. № 6) усилились негативные тенденции в работе научных и высших учебных заведений. Научная работа организовывалась по бригадному методу с развертыванием социалистического соревнования и ударничества, проверками и взаимопроверками бригад [18, ф. 37, ед. хр. 477, 485]. Новые формы обесценивали вклад отдельных ученых в исследование темы, делали невозможным выбрать тему, далекую от политического заказа. Кроме того, в бригадах легче было следить за «чистотой» методологии. Ученый конца 1920–1930-х гг. не мог отойти во «внутреннюю научную изоляцию», как это сделали некоторые ученые 1960–1980-х гг. В таких условиях бездари и политические конъюнктурщики с партийным билетом были лучше защищены, чем творческие люди, к тому же иногда с небольшевицким партийным прошлым. Наступил «звездный час» молодых коммунистов-аспирантов. Авторитетные ученые практически утратили свое влияние на работу научных и учебных учреждений, в которых они работали.

Подобные ситуации наблюдались и в высших учебных заведениях. Так, преподаватели и студенческий актив (представители КСМ, студенческого профсоюза, СНС) Харьковского педагогического института профобразования среди прочего «обнаружили» «классово враждебные теории, гнилой либерализм в литературной продукции... и преподавании» у многих преподавателей, в том числе у Н.Ю. Мирзы-Авакьянц и Н.Е. Редина [22].

В Институте красной профессуры (Харьков) широко распространенным явлением были доносы, лжесвидетельства и клевета. Показательным можно считать случай, когда в ИКП был уволен с работы преподаватель Харьковского государственного университета В. Ефимовский. Преподаватель источниковедения исторического отдела А.И. Козаченко написал заявление в дирекцию ИКП с обвинениями в адрес В. Ефимовского [5, с. 171]. Через два дня В. Ефимовский был уволен с работы в ИЧП. Однако менее чем через четыре месяца самого А.И. Козаченко уволили из ИЧП за пропаганду «буржуазно-националистической концепции» [5, с. 171].

Поводами для репрессий становилась бывшая принадлежность к политическим партиям (например, Н.В. Горбаня, Я.А. Рыженко – к украинским социалистам-революционерам, О.Г. Водолаженко, Н.Ю. Мирза-Авакьянц – к украинским социал-демократам, сохра-

нение украинофильских или немарксистских (по терминологии того времени «буржуазно-националистических», «контрреволюционных», «троцкистских») взглядов в научных трудах, обычные доносы.

От ареста не спасали никакие должности и регалии, борьба с «буржуазными националистами». Н.Ю. Мирза-Авакьянц активно критиковала своих коллег, в том числе своего учителя и благодетеля Д.И. Багалая, за что получила от последнего прозвище «Мерзавкьянц» [17, с. 103]. От ареста, как видно на примере Н.Е. Редина¹, не спасали и доносы в ЦК КП (б) У и НКВД.

Выводы. Атмосфера публичных политических обвинений, доносов, отсутствие хотя бы призрачной свободы научного творчества, разрушение старых моральных норм, ликвидация дореволюционной системы подготовки научных кадров – все это произвело крайне негативное влияние на развитие советской науки. Ни одна из жизненных стратегий не предоставляла гарантии от увольнения с работы и/или ареста. Арестовывались даже агенты ОГПУ-НКВД. Анализ жизненных сценариев отдельных советских ученых исследуемого времени может оказаться перспективной темой дальнейших исследований.

Литература

1. Багалій Д. І. З посмертних праць акад. Д. І. Багалія (Самокритичний огляд наук. продукції) // Архів Радянської України. 1932. № 4–5. С. 338–375.
2. Багалій Д. І. Автобіографія : п'ятдесят літ на сторожі укр. науки та культури. К.: Друк. ВУАН, 1927. 163, VII с.
3. Багалій Д. І. Критика критики (відповідь Ф. Ястребову на його рецензію монографії «Нарису історії України на соціально-економічному ґрунті») // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. 1930. Т. 10. С. 165–180.
4. Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. акад. Д. І. Багалія (1921–1934 рр.). Х.: Вид. ХДПУ, 1994. 196 с.
5. Богдашина О. М., Сазонова І.Ю. Інститут червоної професури: історія створення, соціально-політичні та матеріальні умови функціонування // Актуальні питання вітчизняної і всесвітньої історії. 2008. Вип. 11. С. 167–175.
6. Винар Б. Академік Михайло Слабченко: (Матеріали до біографії та бібліографії) // Український історик. 1982 / 83. № 3–4 [1982], 1 [1983]. С. 19–39.
7. Вісті ВУАН. 1929. №11–12. С. 38–39.
8. Государственный архив Службы безопасности Украины.
9. Дело В. А. Барвинского: [1937 г.: Док. из архива СБУ по Харьк. обл.] / Сост.: О.Л. Рябченко // Харківський історіографічний збірник. Х., 1995. Вип. 1. С. 111–118.
10. Институт рукописи Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского НАН Украины.

¹ На допросах и позже при отбывании наказания на Колыме Н.Е. Редина не признавал себя виновным [8. Д. 032258, л. 16, 116–121, 124–125]. Он считал ошибкой, что арестовали его – активного участника борьбы «с реакционными кругами буржуазной профессуры», в том числе «против троцкизма» [8. Д. 032258, л. 8–9].

11. Комуніст. 1931. 18 січня.
12. Листи Н.Д. Полонської-Василенко до О. Д. Багалій / упор. О. Богдашина, І. Верба // Схід-Захід. Х., 1998. Вип. 1. С. 171–194.
13. Ляпіна О.В. Політизація історичної науки та освіти в Україні в 20-х – 30-х рр. XX ст. (на прикладі Київського інституту народної освіти) // Історія та історіографія в Європі. 2003. Вип. 1–2. С. 31–42.
14. Матиш І.Б. Особа в українській архівістиці: Біографічні нариси. К.: Вид. Укр. держ. наук.-досл. Ін-ту архівної справи та документознавства, 2001. 226 с.
15. Оглоблин О. Українська історична наука в 1920-х роках // Український історик. 2000. № 1–3. С. 79–86.
16. Оглоблин О. Як большевики руйнували українську історичну науку // Український історик. 2000. № 1–3. С. 16–53.
17. Оглоблин О.П. Пам'яті Дмитра Багалія // Укр. історик. 1988. № 1–4. С. 96–105.
18. Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко.
19. Полонська-Василенко Н. Д. Історична наука в Україні за советської доби та доля істориків // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Праці історично-філософської секції. Париж; Чикаго, 1962. Т. CLXXIII: Збірник на пошану українських вчених, знищених більшовицькою Москвою. С. 7–111.
20. Полонська-Василенко Н.Д. Українська Академія наук: (нарис історії). К.: Наук. думка, 1993. 416 с.
21. Посохов С.І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX століття в публіцистиці та історіографії. Х.: Вид-во ун-ту, 2006. 368 с.
22. Пролетарська правда. 1929. 12 травня.
23. Рашпіль А. ХППО в боях за чистоту ленінської науки // Студент революції. 1932. № 5–6. С. 11–12.
24. Рябченко О. Л. Харківський інститут народної освіти ім. О. О. Потебні (1921–1930 рр.). Х., 2000. 215 с.
25. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

Василенко О.В.

(к. филос. н., доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова, г. Чебоксары)

ВЗЛЯДЫ И.Я.ЯКОВЛЕВА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В статье анализируются педагогические взгляды просветителя чувашского народа И.Я. Яковлева в свете новых образовательных тенденций.

Ключевые слова: Болонский процесс, современное образование, взгляды на образование И.Я.Яковлева.

I.Y. YAKOVLEV'S VIEWS AND MODERN EDUCATION

The pedagogical views of the Chuvash people educator I.Y. Yakovlev in the aspect of the new educational tendencies are analyzed in the article.